

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94 (47)

doi 10.17072/2219-3111-2023-4-5-19

Ссылка для цитирования: *Пустовойт И. С.* Преобразования С. С. Уварова в Санкт-Петербургской гимназии как успешный опыт школьной реформы // Вестник Пермского университета. История. 2023. № 4(63). С. 5–19.

ПРЕОБРАЗОВАНИЯ С. С. УВАРОВА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГИМНАЗИИ КАК УСПЕШНЫЙ ОПЫТ ШКОЛЬНОЙ РЕФОРМЫ

И. С. Пустовойт

Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9

botanpustovoi@gmail.com

SPIN-код: 1159-0602

В начале 1811 г. молодой и пока еще никому не известный С. С. Уваров был назначен на престижную должность попечителя Санкт-Петербургского учебного округа. В этом качестве он зарекомендовал себя как успешный реформатор и сторонник системы европейского просвещения, однако его разносторонняя деятельность как попечителя в 1811–1821 гг. оказалась недооценена. Эта недооценка в значительной степени влияет на историографические представления о политической и идейной траектории С. С. Уварова как выдающегося государственного деятеля царствований Александра I и Николая I. В статье на основе архивных и опубликованных источников исследовано одно из направлений реформаторской деятельности Уварова – полномасштабная реорганизация Санкт-Петербургской губернской гимназии. Застав столичную гимназию в сложном финансовом положении, с непродуманным учебным планом, при отсутствии общественной привлекательности, Уваров посредством последовательных и согласованных мер спустя несколько лет привел ее в состояние расцвета. В два раза увеличилось число обучавшихся в ней воспитанников, была принята установка на пребывание в гимназии до окончания полного курса. Учреждение Уваровым экономического комитета гимназии, упорядочение финансовой отчетности привели бюджет гимназии к профициту, а реформа учебного плана гимназии, предложенная Уваровым в 1811 г., имела историческое значение как опыт, который имел распространение впоследствии. Дарованные Санкт-Петербургской гимназии льготы и преимущества, законченный цикл обучения, обновленный состав педагогов повысили ее престиж в глазах столичного дворянства, поставив по значению в один ряд с существовавшими тогда университетами.

Ключевые слова: С. С. Уваров, попечитель, реформы просвещения, история школы, Санкт-Петербургская гимназия, учебный округ.

Введение

Выдающийся администратор просвещения С. С. Уваров начал свою деятельность в данной области как попечитель Санкт-Петербургского учебного округа в 1811–1821 гг. На этой должности он зарекомендовал себя как успешный реформатор, прогрессивный мыслитель, сторонник либеральных реформ начала царствования Александра I [Сухомлинов, 1889, с. 239–255]. Именно благодаря административной энергии Уварова в столичном учебном округе были осуществлены проекты радикальной перестройки гимназического образования, учреждения в столице империи Главного педагогического института для подготовки учителей, а также дворянского Благородного пансиона при нем, позволившие после ряда организационных трансформаций открыть в 1819 г. Санкт-Петербургский университет [Жуковская, Пустовойт, 2019, 2020]. Уваров настаивал, что надлежащая постановка воспитания простого народа есть «важнейший

вопрос из всех», ведь без нее вся система просвещения – «шаткое здание на песке» (РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 183. Л. 70–71).

Однако с подачи советских исследователей (М. И. Гиллельсона, С. Б. Окуня, Ю. М. Лотмана) в научном мире и в общественном сознании сложился, во-первых, стереотипный образ Уварова как «отъявленного реакционера», «злейшего мракобеса», «карьериста» и «верного слуги царя» [Зверева, 2005, с. 5], а, во-вторых, хрестоматийный образ творца известной идеологической доктрины «Православие, Самодержавие, Народность», направленной на защиту основ самодержавного строя. По этим причинам имя выдающегося государственного деятеля было надолго вытеснено из истории русской культуры, образования, науки и общественной мысли [Шевченко, 2018, с. 27]. Уваров и ныне известен по большей части как министр народного просвещения, идеолог консерватизма второй четверти XIX в., что существенно затрудняет понимание последовательности его усилий по реформированию всей системы просвещения в России, которое демонстрировало сочетание европейских стандартов и национальных интересов [Жуковская, Ростовцев, 2013, с. 93–96]. Последовательность и непротиворечивая идейная основа проектов молодого и зрелого С. С. Уварова недостаточно очевидны, поскольку начало его государственной карьеры и итоги 16-летнего управления министерством не были исследованы в едином политическом и биографическом контексте. Немало высказанных Уваровым идей, предложенных и реализованных реформаторских проектов периода управления столичным округом вообще не получили историографической оценки. Сам Уваров в своей автобиографии замечал, что его попечительство в сравнении с эпохой министерства оказалось периодом «гораздо менее известным», но все же «заслуживающим серьезного внимания» (Уваров, 1852, с. 303). Несомненно, что воззрения Уварова 1810-х гг. и периода его управления министерством не могли не претерпеть возрастную и историческую эволюцию в связи со сменой эпох и политических задач. Однако неизменными в его интеллектуальном облике можно считать такие черты, как верность эволюционному пути развития культуры, науки, образования, представление о принадлежности российского социума западной цивилизации, приверженность классицизму, понимаемому как инструмент сохранения существующей сословной структуры политической и культурной иерархии.

В целом история гимназического образования неплохо исследована за последние полтора столетия. В то же время деятельность Уварова в отношении Санкт-Петербургской гимназии или не упоминалась вовсе, или упоминалась вскользь. Как правило, давалась краткая характеристика гимназической реформы Уварова 1811 г., причем часто без контекста и в отрыве от других не менее важных его преобразований [Алешинцев, 1912; Калинина, 2015, 2017; Шмид, 1878]. Пожалуй, только в работе А. С. Воронова наиболее полно и последовательно представлен хронометраж попечительской активности Уварова в отношении Санкт-Петербургской гимназии. Историк приходит к заключению, что именно уваровская модель гимназии стала образцовой, и на основании ее впоследствии были реорганизованы все другие гимназии Российской империи. «Брошенное [Уваровым] семя, – писал А. С. Воронов, – на почву Санкт-Петербургской гимназии разрослось и оплодотворило все гимназии нашего отечества» (Воронов, 1849, с. 129). Однако и в работе А. С. Воронова многое упущено, им приведены лишь общие сведения о некоторых преобразованиях Уварова вместе со статистическими данными по Санкт-Петербургской гимназии: количеством ее воспитанников и суммами на ее содержание.

Мы же, основываясь на неопубликованных источниках из фондов Российского государственного исторического архива (РГИА) и Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб), а также на опубликованных материалах и свидетельствах современников (Начальное и среднее..., 2000; Русское общество..., 1991; Сборник постановлений..., 1864; Тургенев, 1937), постараемся детально раскрыть последовательность мер Уварова в отношении Санкт-Петербургской гимназии, превративших это учреждение во многих аспектах в образцовое. Первостепенное значение имеют проекты, которые Уваров представлял министрам А. К. Разумовскому и А. Н. Голицыну с целью улучшить учебный процесс Санкт-Петербургской гимназии, ее материальное состояние, а также повысить ее престиж. Не менее важна и переписка Уварова с руководством Санкт-Петербургской гимназии, ее сотрудниками, в

особенности с созданным по инициативе попечителя экономическим комитетом. Заметки современников, таких как Н. И. Тургенев и Б. Н. Чичерин, позволяют скорректировать извлеченные из делопроизводственной документации данные, а также отражают представление о принадлежности Уварова к умеренно-либеральной дворянской элите и безусловным сторонникам распространения народного просвещения в России.

Меры, направленные на упорядочение финансовой ситуации в Санкт-Петербургской гимназии

Урегулирование финансовых проблем Санкт-Петербургской гимназии стало первым направлением реформаторской деятельности Уварова. Это было вызвано тем, что незадолго до его прихода на должность попечителя в гимназии был вскрыт коррупционный скандал, обозначивший ее «полное расстройство хозяйственной части». Действительно, в марте 1810 г. разгорелось уголовное дело в отношении директора училищ Санкт-Петербургской губернии и, соответственно, столичной гимназии барона И. Б. Дольста, занимавшего этот пост на протяжении трех лет (Воронов, 1849, с. 106, 128). «Дело Дольста» не только вскрыло особо крупные финансовые хищения в размере 53 000 рублей (РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 85. Л. 54; Д. 86. Л. 5), но и неблагонадежность некоторых членов корпорации гимназии. Как выяснилось, барон Дольст «издержал сверх штата» суммы на постройки, покупки разных вещей (вплоть до изюма и «прованского масла») (РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 85. Л. 84), выплачивал жалованье «сверхштатным» учителям, причем не мог эти траты обосновать. В итоге следственный комитет отправил документы по скандальному делу в уголовную палату для последующего разбирательства (РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 15. Л. 217–219). Самого же барона Дольста сначала отрешили от должности, а потом по распоряжению министра А. К. Разумовского также предали уголовному суду.

Заступившему на должность попечителя Уварову пришлось принимать участие в этом противоречивом процессе. В частности, 5 октября 1811 г. он доносил министру, что ему удалось отыскать и восстановить часть растраченных сумм в размере 2055 рублей и 89 копеек, которые были «внесены сполна» от нового директора гимназии Ф. Ф. Энгельбаха и других сотрудников гимназии: П. П. Острогорского, П. А. Наумова, А. А. Романова и П. К. Козловского (РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 85. Л. 58). Однако восполнить остальные «издержанные» Дольстом суммы было трудно, и дело тянулось до начала 1817 г. Таким образом, вскрытый незадолго до назначения Уварова на должность попечителя коррупционный скандал с директором гимназии бароном Дольстом стал не только индикатором провала прежнего управления гимназии, но и мотивом начать в этой гимназии полномасштабные реформы.

Первое, что было сделано Уваровым, – это возмещение «издержанных» И. Б. Дольстом сумм, без которых гимназия не могла нормально функционировать. Так, попечитель, подавая министру Разумовскому ведомость доходов и расходов Санкт-Петербургской гимназии за 1811 г., докладывал, что из государственного заемного банка поступило 34 372 рубля и 79 ½ копейки и из государственного Санкт-Петербургского казначейства – 18 690 рублей и 38 ½ копейки, что в сумме и составило не достававшие по вине Дольста 53 063 рубля и 18 копеек. Эти деньги были направлены Уваровым на выплату жалованья сотрудникам гимназии, на свечи, квартиры, дрова для учителей, а также на оплату контрактов, счетов за ремонтные работы в гимназии, поставку для нее материалов и съестных припасов (РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 83. Л. 42–43).

Помимо этого, следовало решить не только последствия, но и причины коррупции в гимназии. Вскоре после судебного разбирательства Уваров предложил меры по стабилизации положения разоренной гимназии, учредив при ней специальный экономический комитет «с целью предотвращения растрат и злоупотреблений» из чиновников гимназии под председательством директора, которым вместо И. Б. Дольста стал Ф. Ф. Энгельбах. В него вошли старшие учителя гимназии П. П. Острогорский и П. З. Козловский и младший учитель доктор философии А. Ф. Миддендорф, который был также инспектором пансиона при гимназии. Экономический комитет, по мысли Уварова, должен был заниматься именно «экономической частью» гимназии и подведомственных ей училищ, то есть получать и иметь в хранении все училищные суммы, наблюдать за доходами и расходами, вести все подсчеты и финансовую документацию.

Комитет должен был подчиняться напрямую попечителю и связываться с ним в случае возникших проблем. Министр А. К. Разумовский уже 3 апреля 1811 г. «не мог не одобрить» план Уварова, ожидая от него дальнейших постановлений (РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 111. Л. 2–9).

К сожалению, экономический комитет не оправдал возложенных попечителем на него надежд, нарушив ход реформ Уварова. Так, 6 июня 1811 г. Уваров представил министру А. К. Разумовскому большой доклад, в котором указывал, что он «по званию попечителя» всегда старался о благоустройстве учебных заведений «во всех их отношениях» и главной целью его занятий всегда было оправдать доверие монарха. Тем не менее, наблюдая за ходом дел в Санкт-Петербургской гимназии, «долженствующей нынешним порядком вознаградить за прошедшие неурядицы», Уваров обнаружил в ее хозяйственной части «серьезные упущения» (РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 112. Л. 1). Выяснилось, что члены экономического комитета выполняли свои обязанности халатно, не вели должным образом финансовую отчетность, не связывались с попечителем в случае возникающих проблем, работали несогласованно и даже не знали круга своих обязанностей.

В результате, когда Уваров увидел отсутствие в приходно-расходных книгах гимназии некоторых сумм, он распорядился «в обеспечение казенного интереса» запечатать казну с деньгами на свою печать, а также при посредничестве министра А. К. Разумовского провести следствие в отношении членов экономического комитета, приостановив их деятельность (Там же. Л. 2–5). В составленный 10 июня 1811 г. комитет «исследования» вошли, по распоряжению министра, академики Академии наук П. А. Загорский и А. Ф. Севастьянов, а также советник комитета правления Академии наук В. И. Элис, председателем был член Главного правления училищ (ГПУ) С. Я. Румовский (*Воронов*, 1849, с. 128). Им было поручено «в самой скорости» затребовать приходные и расходные книги «во всех суммах, получаемых на содержание гимназии, Института слепых и других училищ здешней губернии, а также учрежденного при гимназии пансиона, ... войти в подробное рассмотрение производства дел по хозяйственной их части с начала нынешнего 1811 г.» (РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 112. Л. 4–8).

Комитет «исследования», во-первых, пришел к выводу, что члены экономического комитета действительно выполняли свою работу недобросовестно, и в финансовых бумагах гимназии было много «беспорядков и неурядиц». Причем члены комитета не были коррупционерами и не планировали утаивать или красть государственные деньги. Они попросту не совсем понимали свои обязанности, что и подтвердили допросы, во время которых возникало несогласие в действиях комитета. Как оказалось, они даже не знали о существовании благотворительных сумм, полученных от императриц Елизаветы Алексеевны и Марии Федоровны, их точном размере, других доходах и убытках, а потому и не записывали их в приходно-расходные книги (РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 112. Л. 14–16).

Зато, с другой стороны, комитет «исследования» за три месяца проделал всю возложенную прежде на экономический комитет работу, расписав точно финансовые операции, происходившие в округе в течение двух лет в отношении гимназии, гимназического пансиона и Института слепых (Там же. Л. 17–50). К счастью, в отношении других учебных заведений никаких «важных упущений» ни за 1810 г., ни за 1811 г. обнаружено не было. Просто из-за халатности и неосмотрительности финансовая отчетность была в таком положении, что «транспорты сумм» в них были абсолютно «неясно показаны». Видя это, комитет потребовал от бухгалтера экономического комитета Титова привести все в «совершенную точность». Между тем с согласия министра Уваров 7 октября 1811 г. уволил всех скомпрометировавших себя чиновников экономического комитета, почему место директора Санкт-Петербургской гимназии вместо Энгельбаха по предложению Уварова занял И. О. Тимковский, а учителей попечитель собирался заменить теми, кто «может оправдать доверие начальства» (Там же. Л. 51–57).

Таким образом, первая в череде реформ Уварова для Санкт-Петербургской гимназии имела целью укрепить положение этого учебного заведения. Отчетливо проглядывалось желание С. С. Уварова лично контролировать гимназию, вникать в происходившее в ней, не зря попечитель лично назначал членов комитета и требовал от них отчетности, возможно, сам попечитель хотел быть ответственным за состояние столичной гимназии. Об этом сообщал сам Ува-

ров министру А. К. Разумовскому в отчете, поданном 7 марта 1812 г. «Санкт-Петербургская губернская гимназия, – писал он, – претерпев доселе много ущербов, произошедших по хозяйственной части от управлявших оной, достигла наконец надлежащей степени благоустройства» (РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 84. Л. 26).

Тем не менее решить вопросы с финансами в гимназии Уварову предстояло не только «внутри», но и «снаружи». Дело в том, что порядок финансового обеспечения гимназии был довольно сложен и состоял из нескольких источников. Так, за обеспечение гимназии и училищ округа отвечали государственное казначейство, Санкт-Петербургская городская дума и Санкт-Петербургский приказ общественного призрения, которые должны были отпускать на гимназию каждую треть года (январскую, майскую и сентябрьскую) определенную сумму (Сборник постановлений..., 1864, стб. 338). Причем в Санкт-Петербургском учебном округе эта сумма была наиболее большой – 71 350 рублей, из них из государственного казначейства шло 24 500 рублей, из городской думы – 25 000 рублей и из Приказа общественного призрения – 21 000 рублей (Воронов, 1849, с. 238–246).

Однако, к сожалению, такая установленная учредительными документами 1803–1804 гг. схема оказалась на практике во многом несостоятельной. Приказ и городская дума, которые сами обладали ограниченными средствами, помогали финансово гимназиям и училищам весьма «неохотно», поэтому часто отсылали требуемые от них суммы с большими задержками или не отпускали их вообще. Как справедливо писал по этому поводу С. В. Рождественский: «Приказы общественного призрения и городские общества постепенно стали отказываться от уплаты дополнительных сумм на содержание гимназий и училищ, ссылаясь на недостаток своих средств» (Рождественский, 1902, с. 68). В связи с этим Уваров, придя на должность попечителя, регулярно получал жалобы от руководства гимназии на неполучение ими средств от Приказа и городской думы. К примеру, согласно ведомости приходов и расходов Санкт-Петербургской гимназии на начало 1811 г. выяснилось, что Приказ общественного призрения все еще не выплатил оставшиеся 14 150 рублей за сентябрьскую и январскую трети 1810–1811 гг. (РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 83. Л. 8–9). В дальнейшем такие истории повторялись снова и снова. 12 октября 1812 г. Уварову поступило эмоциональное обращение от директора Санкт-Петербургской гимназии и председателя ее экономического комитета И. О. Тимковского об очередном невыполнении Приказом и городской думой их финансовых обязательств перед гимназией и училищами (ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 1449. Л. 40).

После чего Уваров предпринял несколько действенных мер, направленных на стабилизацию финансового обеспечения столичной гимназии. В первую очередь он при посредничестве министра А. К. Разумовского, действуя через министра полиции и главнокомандующего в Санкт-Петербурге, «принудил» Приказ и городскую думу выплатить их долги перед гимназией – 8333 рубля 33 ½ копейки и 3500 рублей соответственно за 1812 г. (Там же. Л. 41–44). До этого Приказ общественного призрения передал в гимназию и свой долг за сентябрьскую треть 1810 г. – 7000 рублей. Кроме того, в гимназию поступили и другие «недодачи» на сумму 4682 рубля 78 ¾ копейки (РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 84. Л. 4–6). Однако со временем стало окончательно ясно, что пытаться как-то «исправить» эти инстанции невозможно, и встал вопрос о полном освобождении гимназии от губительного посредничества этих инстанций.

15 января 1816 г. Уваров получил от И. О. Тимковского новое обращение о новых задержках со стороны Приказа и городской думы. Попечитель, разделяя мысли Тимковского, постарался найти выход из этой ситуации. Свои предложения 21 января 1816 г. он довел до сведения министра Разумовского. Уваров предлагал, чтобы деньги в гимназию поступали «безостановочно» напрямую от министерства финансов, то есть минуя Приказ и городскую думу. Эта мера, по мнению Уварова, «по причине бывшего доньше всегда медленного получения суммы из приказа, была бы весьма облегчительна для гимназии и для самого приказа». После чего он обратился к министру А. К. Разумовскому с просьбой ее утвердить, «ибо медленным отпуском сумм можно привести гимназию иногда в совершенное нестояние» (ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 1449. Л. 10–13). Окончательное решение совсем отказаться от выплат со стороны Приказа и городских дум, перевести гимназии и училища на полное государственное

обеспечение, которое теперь отпускалось разово единой суммой и напрямую без посредников, было принято в 1819 г. (*Рождественский*, 1902, с. 68; *Воронов*, 1849, с. 248).

Таким образом, необходимость финансовой поддержки Санкт-Петербургской гимназии было осуществлено Уваровым посредством искоренения коррупции, упорядочения финансовой отчетности, поиска частной инициативы, направленной на взнос средств на устройство гимназии, оплату обучения малоимущих детей, отправки «излишков» в заемный банк и в «сохранную казну» Императорского воспитательного дома для «приращения» процентами, вынуждения Приказа и городской думы вовремя и сразу направлять в гимназию и училища требуемые суммы. В это время начинала формироваться тенденция к полной самодостаточности гимназии и ее успешному функционированию под надзором Уварова. В этой связи попечитель 21 октября 1816 г. писал министру А. Н. Голицыну следующие строки: «Санкт-Петербургская губернская гимназия, получив с 1811 г. совершенно новое бытие чрез свое преобразование, ныне достигла до такой степени благосостояния, что, когда ваше сиятельство вступили в управление министерства народного просвещения, я мог утвердительно сказать вам, милостивый государь, что Санкт-Петербургская гимназия не нуждается ни в каких пособиях со стороны правительства» (РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 177. Л. 1).

Корректировка программы обучения, ее цели и итоги

Главным достижением Уварова в деле реформирования Санкт-Петербургской гимназии стал инициированный им пересмотр преподававшегося в ней учебного плана. Уваров стал одним из первых лиц в Министерстве народного просвещения, кто не только считал существовавший прежде «многопредметный» порядок обучения в гимназиях «ошибкой» [*Flynn*, 1972, р. 481–482], но и имел целью связать средние учебные заведения (гимназии) с высшими (университетами). В этом плане характерна гимназическая реформа Уварова 1811 г., благодаря которой из курса наук Санкт-Петербургской гимназии были исключены те предметы, которые и так впоследствии преподавались в университете. Убрав лишние университетские дисциплины: политическую экономию, коммерческие науки, финансы, эстетику и философскую грамматику, которые, по словам попечителя, «требовали зрелого и подготовленного ума», Уваров сконцентрировал процесс обучения в гимназиях на более важных, которые служили «первым основанием истинного просвещения во всех государствах и в каждом веке»: Законе Божьем, отечественном и классических языках, истории «в просторном и глубоком смысле», географии «со всеми отделениями», математических науках, грамматике, логике, риторике, отечественной и иностранной словесности (РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 110. Л. 8–11). Учебный план в Санкт-Петербургской гимназии, предложенный Уваровым в 1811 г., иллюстрируют данные нижеследующей таблицы [*Шмид*, 1878, с. 88].

Такой утвержденный министром А. К. Разумовским учебный план имел далеко идущие исторические последствия. Во-первых, сам Уваров спустя полгода после реализации своей гимназической реформы с гордостью докладывал А. К. Разумовскому о том, как столичная гимназия достигла «надлежащей степени благоустройства». «План учения, – писал Уваров 7 марта 1812 г. министру, – вашим сиятельством утвержденный выполняется с должным тщанием. Он согласен с целью гимназии и с общей пользой. Предметы, составляющие оный необходимы для всех и для каждого, устранив некоторые из оных, признанные излишними, приобрели мы более времени для полезных. Правильное изучение отечественного языка требуется строго теперь в Санкт-Петербургской гимназии. Греческий и латинский язык возобновлены» (РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 84. Л. 26–27).

Учебный план в Санкт-Петербургской гимназии согласно докладу С. С. Уварова министру А. К. Разумовскому, 1811 г.

Учебные предметы		Классы							Всего уроков
		I	II	III	IV	V	VI	VII	
Закон Божий	Краткий катехизис	2	2	2	–	4	–	–	14
	Священная история	–	2	2	–	–	–	–	
Русский язык	Чтение гражданское	8	2	–	–	–	–	–	40
	Чтение церковное	4	–	–	–	–	–	–	
	Грамматика и диктант	–	4	4	–	–	–	–	
	Грамматика с упражнениями в слоге	–	–	–	4	–	–	–	
	Риторика и упражнения в слоге	–	–	–	–	4	2	–	
	Логика	–	–	–	–	2	2	–	
	Словесность и ее история	–	–	–	–	–	–	4	
Математика	Арифметика	6	6	6	–	–	–	–	42
	Алгебра	–	–	–	4	–	–	–	
	Геометрия	–	–	–	4	–	–	–	
	Математика	–	–	–	–	4	4	4	
	Физика	–	–	–	–	–	2	2	
История	Всемирная	–	–	2	2	4	2	–	26
	Новейшая	–	–	–	–	4	–	4	
	Российская	–	–	–	2	4	2	–	
География	Всеобщая с начальными основаниями математики	–	–	2	2	–	–	–	12
	Российская	–	–	–	2	–	–	–	
	География и статистика	–	–	–	–	4	2	–	
Латинский язык	–	–	4	4	8	8	8	32	
Греческий язык	–	–	–	–	–	2	4	6	
Немецкий язык	–	4	4	4	4	4	6	6	32
Французский язык	–	4	4	4	4	4	6	6	32
Естественная история и технология	–	–	–	–	–	4	4	8	
Древности и мифология	–	–	–	–	–	–	4	4	
Чистописание	Российское	4	4	2	–	–	–	–	20
	Французское и немецкое	4	4	2	–	–	–	–	
Всего	–	36	32	34	36	46	46	46	–

Действительно, Санкт-Петербургская гимназия стала первой классической гимназией в Российской империи [Алешинцев, 1912, с. 58–59], поскольку Уваров имел личные симпатии к классическому образованию. Недаром в своем докладе министру Разумовскому от 31 октября 1811 г. он сокрушался, что прежде классические языки в Санкт-Петербургской гимназии «почитались только вспомогательными предметами». Напротив, в предложенном Уваровым расписании для гимназии «классические языки признаны одним из главных способов образования», возвращаясь «на свое центральное место, которое им всегда принадлежало» (РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 110. Л. 10). В частности, латинский язык, согласно новому утвержденному расписанию гимназии, теперь изучался с III по VII класс, а греческий – в VI и VII классах. Для большего же утверждения в гимназии классических начал Уваров 22 ноября 1811 г. определил

в нее учителем греческого языка прибывшего из Харьковского университета профессора Я. Я. Баллен де Баллю, и латинского языка – «известного [Уварову] по знаниям и поведению» преподавателя Первого кадетского корпуса Ф. Ф. Гёдке. Министр А. К. Разумовский поддержал эти идеи Уварова (РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 110. Л. 2–4), поскольку также считал, что знание латинского языка «доказывает приобретение глубоких и твердых сведений в словесности вообще, истории, археологии, мифологии и прочих подобных сим науках» [Миллюков, 1897, с. 313–315]. В связи с этим нельзя не согласиться с утверждением Ц. Виттекер, что Уваров, «будучи попечителем, много сделал для того, чтобы изучение классических языков, особенно греческого, стало основой гуманитарного образования. Введение им классической программы в гимназиях является важнейшим этапом в истории образования» [Виттекер, 1999, с. 37].

Кроме придания существенной роли классическим языкам, Уваров, как указывалось в его отчете, обратил внимание общественности и на необходимость улучшения преподавания отечественного языка, который в ту эпоху ввиду засилья французского пребывал в полузабытом состоянии. В частности, одобряя гимназическую реформу Уварова, историк Е. К. Шмид замечал, что предложенный Уваровым гимназический учебный план имел «важное историческое значение», поскольку, во-первых, «это был первый опыт предоставления древним языкам подобающего им места в гимназическом курсе», во-вторых, Уваров обратил внимание на ценность знания именно отечественного языка, изучением которого впоследствии «начинали более чем когда-нибудь прежде заниматься в то время» [Шмид, 1878, с. 89]. Действительно, на русский язык по предложенному Уваровым плану обучения в гимназии теперь выделялось 40 часов – больше, чем на любой другой предмет. Даже на любимый в ту эпоху русской знатью французский (Уваров, 2010, с. 524) Уваровым было выделено только 32 часа. В своем проекте Уваров первым из деятелей министерства предложил увеличить число часов и на Закон Божий, изучение которого по уставу 1804 г. не предусматривалось, так как предполагалось, что его следует преподавать только в начальных училищах [Виттекер, 1999, с. 78]. Следовательно, в этих аспектах Уваров также отступал от положений устава 1804 г., где русский язык и Закон Божий зачастую опускались. Это значило, что Уваров не только решил проблему «многopредметности», но и учел недостатки устава 1804 г. (Воронов, 1849, с. 93).

В числе прочих нововведений Уварова в Санкт-Петербургской гимназии гораздо большее внимание уделялось специализации, то есть изучению учебных дисциплин по выбору из обязательных предметных областей. Так, для поднятия заинтересованности у воспитанников в прилежном обучении он ввел в курс обучения предметы, посещать которые могли добровольно только «отличившиеся» гимназисты [Алешинцев, 1912, с. 59]. Такими предметами стали английский язык, фехтование и танцы. Подобный набор элементов был поразительным для образовательных учреждений той эпохи, поскольку такой порядок обучения, когда имеется свобода выбора дисциплин, существовал на тот момент только в Пруссии, но он был отменен там в 1820 г. [Шмид, 1878, с. 89].

Так или иначе, об успешности гимназической реформы Уварова говорило и внимание к его персоне со стороны императора Александра I, который наградил столичного попечителя орденом Св. Владимира 2-й степени (Воронов, 1849, с. 216). Причем в императорском указе от 9 декабря 1816 г. о награждении Уварова этим орденом открыто говорилось, за какие заслуги перед государством и просвещением он его получил: «в воздаяние отличного служения вашего (Уварова. – *И. П.*) вообще по вверенному вам округу и приведение в цветущее состояние здешней гимназии» (ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 2087. Л. 8). Примечательно, что об этом событии в карьере Уварова скоро узнала и общественность. К примеру, Н. И. Тургенев в письме своему брату С. И. Тургеневу от 17 декабря 1816 г. писал: «Итак новости здешние: главная, что офицерам прибавлено жалование, что впрочем весьма хорошо, что Уваров получил 2-го [Владимира]» (Тургенев, 1937, с. 205).

Однако наиболее значимым подтверждением разумности избранного Уваровым в отношении столичной гимназии реформаторского курса служило то, что предложенный им для Санкт-Петербургской гимназии учебный план был спустя несколько лет распространен на все гимназии Российской империи [Марголис, Тишкин, 2000, с. 102]. Это было вызвано еще и тем,

что сам Уваров никогда не упускал из виду возможность заимствования разработанного им учебного плана со стороны остальных гимназий России. В частности, еще подавая в октябре 1811 г. министру А. К. Разумовскому на рассмотрение обновленное расписание, Уваров в надежде также писал, что «под бдительным оком монарха и попечительным управлением господина министра народного просвещения, другие губернские гимназии, по всему пространству империи рассеянные, возвратятся наконец в свои истинные пределы и будут составлять средоточие между нижними училищами и университетами» (РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 110. Л. 21).

Тем не менее «первая попытка» С. С. Уварова создать «систему образования, которая должна была охватить всю Россию и дать возможность учиться детям всех окраин империи и всех сословий» [Калинина, 2015, с. 91], натолкнулась на противодействие на заседаниях ГПУ, где в тот момент уже действовали идеологические оппоненты Уварова. Например, архимандрит Филарет, А. С. Стурдза и И. С. Лаваль выступили за пересмотр учебного плана Уварова. Как небезосновательно заметил историк С. В. Рождественский: «Инициатор реформы Уваров и другие члены ГПУ несколько расходились во взглядах на ее значение» (Рождественский, 1902, с. 133). Если новые деятели Министерства просвещения решительно осуждали систему народного просвещения, установленную в 1803–1804 гг., то Уваров стоял на ее защите, поскольку он, по свидетельству современников, «был человек истинно просвещенный, с широким умом, с разносторонним образованием, какими бывали только вельможи времен Александра I. Он любил и вполне понимал вверенное ему дело» (Русское общество..., 1991, с. 25).

В результате многолетних пересмотров уваровского гимназического учебного плана, направленных на «урезание» из него «опасных» предметов [Flynn, 1972, р. 481–482], а также нескольких столкновений Уварова и его оппонента Филарета на собраниях ГПУ [Алешинцев, 1912, с. 65–67], итоговый учебный план гимназий, принятый 5 июня 1819 г., получился далеко не таким, как его представлял столичный попечитель. В частности, из курса наук были исключены естественная история, всеобщая и русская статистика, начальный курс философии и изящных наук и начальные основания политической экономии и технологии (Начальное и среднее..., 2000, с. 49–51). Однако все же «сердцевина» уваровского гимназического плана сохранилась, ведь роль древних языков в расписании еще больше усилилась, что не могло не удовлетворить столичного попечителя. В конце концов новое расписание, составленное, в принципе, по образцу учебного курса, введенного Уваровым в столичной гимназии еще в 1811 г., было решено привести в исполнение в Санкт-Петербургском, Московском, Харьковском и Казанском учебных округах (Воронов, 1849, с. 216–218).

Повышение общественной привлекательности Санкт-Петербургской гимназии

Одной из последних, но не по значению, мер Уварова в отношении столичной гимназии стала его инициатива по дарованию ей в 1817 г. особых прав, позволивших гимназии не только возвыситься над остальными учебными заведениями подобного рода, но и даже затмить собой столичный университет. В целом эта реформа Уварова стала неким продолжением его преобразования учебного плана гимназий в 1811 г., так как имела цель восполнить те пробелы, которые не были им тогда учтены. Так, главной проблемой, которую не решила гимназическая реформа Уварова 1811 г., было нежелание тогдашнего населения должным образом просвещаться, не воспринимать образование только как средство для продвижения по службе. Историк С. В. Рождественский писал по этому поводу следующее: «Предложенная [в 1811 г.] Уваровым реформа не устраняла еще одной причины не сочувствия общества к новой школе. Творцы Устава [1804 г.], создавая школу, общую для всех сословия и всех местностей, предполагали такое единство образовательных потребностей общества, какого в действительности не существовало» (Рождественский, 1902, с. 69–70).

Действительно, реформаторы первых лет царствования Александра I не рассчитали возможности неправильного восприятия разработанных ими идей, когда каждое сословие начало при прохождении обучения преследовать чисто собственные интересы, а совсем даже не желать разбираться в науках. В частности, городское население довольно равнодушно относилось к школе, особенно к обучению в старших классах гимназии, нужному для поступления в уни-

верситет, считая это «излишеством» в карьерной стратегии. Для них было обременительно семь лет содержать детей в гимназии, долго ожидая окончания полного цикла обучения. С другой стороны, дворянство стремилось к получению высоких должностей и чинов, но делало это при помощи давних стратегий – протекции, связей и покровительства. Образование же помещикам виделось лишь неким способом к старту чиновничьей службы, поэтому оно должно было быть как можно более коротким и простым. Наконец, купечество хотело видеть своих детей продолжателями семейного дела, а для этого было достаточно начальных навыков счета, письма и чтения, поэтому отвлеченные науки им казались обременительными и далекими от потребностей реальной жизни. В результате практически никто не оканчивал полного семилетнего гимназического курса: родители попросту забирали своих детей из гимназии, спеша определить их на службу, которая в то время начиналась в 15–16 лет. В старших же классах гимназии оставались только лишь немногие одаренные дети из низших сословий, имевшие искреннее желание поступить затем в университет и посвятить себя науке [Калинина, 2017, с. 213–215].

Такое явление наблюдалось тогда повсеместно, и столичная гимназия не могла здесь быть исключением. В итоге дисбаланс в численности обучавшихся в старших и младших классах гимназии был обнаружен министром А. Н. Голицыным осенью 1816 г. в ходе его инспекции в это учреждение. Он заметил, что в начальных классах числится по 100 и более детей, в то время как в старших – едва ли по 10–12 человек. Тогда министр поручил Уварову разработать способ, «могущий отворить сие важное неудобство и дать навсегда прочное основание столь полезному заведению» (РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 177. Л. 7). Разумеется, Уварову, главной «мыслью» которого было придать гимназии обязанность «подготавливать слушателей для университета» (Воронов, 1849, с. 216–218; Рождественский, 1902, с. 130), а значит давать законченное семилетнее образование, не могла понравиться ситуация, когда только каждый десятый гимназист дослушивал разработанный им прежде курс.

Раз уж пока сломить предрассудки не удавалось [Шевченко, 2003, с. 34], то можно было предложить иной выход из ситуации, который историком образования метко описывался следующим образом: «Попечители, вникавшие в настроение общества... чтобы привлечь слушателей, должны были прибегнуть к старым традиционным средствам: служебным привилегиям и казенным стипендиям» (Рождественский, 1902, с. 61). Уваров пошел по первому пути. Получив распоряжение от А. Н. Голицына о поиске способа заставить родителей не забирать своих «недозрелых» детей из гимназии раньше времени, попечитель уже 21 октября 1816 г. подал на рассмотрение министру новый проект, касающийся повышения престижа этого учреждения, придя к выводу, что «способ сей составлять может не что иное, как присвоение Санкт-Петербургской губернской гимназии права, чтобы успешное прохождение всех в одной классов награждалось первым офицерским чином по службе» (РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 177. Л. 1–3). Следовательно, план попечителя сводился к двум ключевым пунктам: 1) чтобы ученики, окончившие всей гимназии курс наук с отличием по успехам и поведению, при вступлении в службу утверждаемы были в чине 14-го класса; 2) чтобы аттестаты, данные от гимназии с удостоверением на сей чин, за подписанием попечителя Санкт-Петербургского учебного округа, были почитаемы наравне с университетскими, при дальнейшем повышении в чины согласно указу от 6 августа 1809 г. С. С. Уваров, предвидя возможную критику по поводу свободной раздачи аттестатов, обозначил, что аттестаты не будут раздаваться кому попало, так как по его рекомендации «начальство гимназии употребит всевозможное разбирательством и самую строгую осторожность в раздаче вышеупомянутых аттестатов» (Там же).

В ходе недолгих рассуждений на собраниях ГПУ предложение Уварова было немного скорректировано. Если с первым пунктом члены ГПУ согласились, то второй – претерпел некоторую и вполне разумную редакцию. Так, было признано нужным прибавить к установленному Уваровым семилетнему курсу наук Санкт-Петербургской гимназии еще один год для изучения прав, поскольку «преподавание оных (прав. – *И. П.*) в гимназии нужно как вообще для пользы гражданской службы, так в особенности потому, что в здешней столице нет еще университета». Здесь вновь проглядывает желание как можно прочнее связать гимназию с высшим учебным заведением. Вместе с тем А. Н. Голицын решил пойти по санкционному пути решения вопроса,

добавив от себя дополнительно еще одну меру, причем самую строгую. Голицын посчитал, что «действительнее» всего было бы лишать тех, кто спустя семь лет обучения в гимназии, покидал ее, не доучившись одного года, возможности получить желанный чин 14-го класса, записывая таких на один год в статус «недоросля». Соответственно, тех, кто покидал гимназию за два года до конца обучения, ожидал такой же исход: они на два года записывались в статус «недорослей» и не могли быть произведены в чин 14-го класса (Там же. Л. 4–9).

В то же время Уварова волновали научные успехи гимназии, а потому он 9 февраля 1817 г. еще раз заявил ее руководству, что «не все окончившие курс в гимназии, но только лучшие из них могут иметь право на получение чина» (Там же. Л. 13). Спустя день, 10 февраля, Александр I подписал указ Правительствующему Сенату об утверждении всех предложенных насчет Санкт-Петербургской гимназии улучшений (Там же. Л. 11–12), которые, конечно, не могли не оказать на столичную гимназию благотворного влияния. Действительно, «заботы» [Шмид, 1878, с. 125] Уварова, выразившиеся в даровании гимназии привлекательных преимуществ, «возвысили вдруг это заведение, обратив на него всеобщее внимание» (Воронов, 1849, с. 130). Даже дворянство, еще совсем недавно не желавшее обучаться в одном учебном заведении с представителями низшего сословия [Калинина, 2017, с. 214], наконец потянулось в гимназию, и в 1819 г. численность ее обучающихся достигла 616 человек (Начальное и среднее..., 2000, с. 64), из них 150 в высших классах – беспрецедентный для той эпохи показатель. Такой успех новой реформы Уварова не мог не вызывать восторженных оценок его деятельности на должности попечителя у историков образования. «Мы, – писал А. С. Воронов, – бывшие еще очевидцами прежнего учения и состояния учебной части, понимаем, какой огромный шаг сделало образование, благодаря мерам его сиятельства (Уварова. – И. П.). Основательное, общечеловеческое и вместе с тем народное образование юношества, новое поколение наставников, облагороженных, обеспеченных в жизни, проникнутых сознанием достоинства человеческого и народного, и необходимое вместе с тем возвышение казенных учебных заведений в глазах общества – вот красноречивейшие памятники дела Сергея Семеновича» (Воронов, 1849, с. 101–102).

О том, что именно эти льготы умножили количество воспитанников в гимназии, свидетельствует то, что, как только после отставки Уварова в 1822 г. их отменили, количество гимназистов в ней упало в два раза – с 587 до 300 человек (Там же, с. 162) [Виттекер, 1999, с. 80]. При этом отменили эти льготы потому, что благодаря реформам Уварова столичная гимназия возвысилась настолько сильно, что «перекрыла» собой даже Санкт-Петербургский университет, окончание которого требовало больше времени и «несравненно больше труда». В результате в университете в 1822 г. было всего 20–25 вольноприходящих студентов [Григорьев, 1870, с. 29], а в гимназии, дававшей теперь по новому преобразованию и отличное восьмилетнее образование (добавился еще однолетний курс права), и преимущества по службе, не было свободных мест.

Заключение

Таким образом, в ходе анализа отдельных аспектов деятельности Уварова в отношении Санкт-Петербургской гимназии выявлено, что он на протяжении всего своего десятилетнего попечительства непрестанно заботился о гимназии, шаг за шагом реализуя удачные преобразования. Найдя в 1810 г. Санкт-Петербургскую гимназию, погрязшую в коррупции и не имевшую должного числа воспитанников, Уваров уже спустя год посредством изменения в ней учебного плана заслужил общественное доверие, которое выразилось как в росте благотворителей, так и в том, что вскоре желающим в ней обучаться не было предела. Если к приходу С. С. Уварова программа преподавания в гимназиях была неточной, расплывчатой и скорее походящей на «религиозно-нравственные беседы, чем на настоящий учебный предмет» [Алешинцев, 1912, с. 56], то к моменту его отставки в гимназии наблюдался содержательный, постепенный восьмилетний курс обучения, подводящий подростка к последующему поступлению в университет. Без выполнения именно этой задачи – подготовки университетских абитуриентов – Уваров не считал гимназии совершенными. Наконец, с 1817 г. с подачи Сергея Семеновича гимназия получила существенные преимущества перед другими учебными заведениями, имея возможность

возводить успешных выпускников в чин 14-го класса по Табели о рангах, что не могло не сказаться на повышении престижа этого учреждения и общего уровня знаний его воспитанников.

В то же время Уваров разумно реформировал и хозяйственную часть гимназии, учредив при ней экономический комитет, который с тех пор следил и контролировал нормальный поток финансовых операций гимназии. При этом, избавившись от посредничества столичного Приказа общественного призрения, Санкт-Петербургская гимназия с тех пор не знала задержек с поступлением сумм на ее содержание. Наилучшим подтверждением того, что Уваров отлично справился со стоявшими перед ним задачами служит его письмо директору училищ Санкт-Петербургской губернии И. О. Тимковскому от 1 мая 1821 г. в момент его отставки с должности попечителя. В нем С. С. Уваров подводил черту своему успешному функционированию, говоря, что благодаря его стараниям Санкт-Петербургская гимназия переменялась в лучшую сторону. «Сравнивая положение, – писал он, – в котором я нашел гимназию в конце 1810 г. с положением, в котором я имею щастие оставить оную в течение 1821 г., обретаю я сладчайшую награду за понесенные мною труды. Каждый член гимназии содействовал усердно в обновлении оной и продолжит без сомнения содействовать и впредь под высокой десницей монарха вящему усовершенствованию сего столь полезного заведения» (ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 2653. Л. 1–2). Многолетний подвижнический труд Уварова в отношении столичной гимназии является отчетливым подтверждением его преданности делу просвещения и либеральным идеям Устава 1804 г., утверждавшим открытое и бессловное образование для всех.

Сама же попечительская деятельность С. С. Уварова заслуживает интереса по той причине, что в активности Уварова-попечителя в 1810-е гг. в общих чертах наметились подходы к определению целей и методов образовательных реформ в России, которые были реализованы в политике Уварова-министра в 1830–1840-х гг. Приверженность Сергея Семеновича идеям классического образования, которые были им реализованы в учебном плане Санкт-Петербургской гимназии, была ему присуща на протяжении всей его государственной карьеры, в том числе и во время его пребывания на должности министра в 1833–1849 гг. Уваров был бесспорным сторонником классической модели образования с уклоном на изучение древних языков – латыни и греческого [Пустовойт, 2022]. Именно этот аспект его деятельности современники обозначали как главное достижение. «Значение графа Уварова, – писал Г. А. Щербатов, – по мнению весьма многих выражается почти исключительно заслугами, оказанными им упорению классического образования в наших преимущественно средних учебных заведениях» (Маркевич, 1870, с. 25). При этом сам Щербатов полагал, что данная оценка «неверна» лишь потому, что «умаляет значение его (Уварова. – И. П.) деятельности» (Там же). Тем самым гимназическая реформа Уварова 1811 г. была первой в череде его успешных преобразований, направленных на утверждение в России классического образования во всех его проявлениях.

Примечания

¹ На гимназии негативно сказывались непродуманные и размытые статьи «Устава учебных заведений, подведомых университетам» 1804 г., установившие в ней так называемое «многопредметное», или «энциклопедичное», образование, столь ненавистное обществу. Устав ставил перед гимназией двоякую цель – готовить слушателей университетских курсов и в то же время давать законченное образование тем, кто далее в университет идти не собирался (Сборник постановлений..., 1864, стб. 302). По этой причине в гимназиях «неизвестно для кого», как замечал П. Н. Милуков [Милуков, 1897, с. 313–315], читались университетские дисциплины, которые были сложны и непонятны 14–16-летним подросткам, а еще более их помещикам-родителям, не желавшим так мучить своих детей [Калинина, 2015, с. 81]. При наличии такой сложной и долгой программы обучения гимназия не давала по выпуску никаких преимуществ по службе, а потому в нее не стремились или покидали раньше времени, не окончив полного курса наук (Воронов, 1849, с. 164).

Список источников

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 732. Оп. 1. Д. 15; Ф. 733. Оп. 20. Д. 85; Д. 86; Д. 110; Д. 111; Д. 112; Д. 177; Д. 183; Оп. 95. Д. 83; Д. 84.
Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 139. Оп. 1. Д. 1449; Д. 2087; Д. 2653.

- Воронов А.С.* Историко-статистическое обозрение учебных заведений С.-Петербургского учебного округа с 1715 по 1828 год включительно / сост. по поручению г. попечителя С. Петерб. учеб. окр. т. с. М.Н. Мусина-Пушкина. СПб.: Тип. Я. Третья, 1849. 293 с.
- Маркевич Б.М.* Князь Григорий Щербатов о графе Уварове. М.: Унив. тип. (Катков и К^о), 1870. 122 с.
- Начальное и среднее образование в Санкт-Петербурге. XIX – начало XX века: сб. документов / отв. сост. Н.Ф. Никольцева. СПб.: Лики России, 2000. 359 с.
- Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902 / сост. С.В. Рождественский. СПб.: М-во нар. просвещения, 1902. 840 с.
- Русское общество 40–50-х годов XIX в. Ч. 2. Воспоминания Б.Н. Чичерина / составление, общая редакция и предисловие С.Л. Чернова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991. 252 с.
- Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. 1802–1825. СПб., 1864. 1864 стб.
- Тургенев Н.И.* Письма к брату С.И. Тургеневу / отв. ред. Н.Г. Свириной. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. 587 с.
- Уваров С.С.* Мадам де Сталь // Избранные труды. М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2010. С. 521–531.
- Уваров С.С.* Опыт автобиографии, посвященный моему сыну // Шевченко М.М. Опыт автобиографии Сергея Уварова. 1852 // Тетради по консерватизму. 2018. № 1. С. 267–335.

Библиографический список

- Алешинцев И.А.* История гимназического образования в России (XVIII и XIX век). СПб.: Изд. О. Богдановой, 1912. 346 с.
- Виттекер Ц.Х.* Граф Сергей Семенович Уваров и его время. СПб.: Академический проект, 1999. 350 с.
- Григорьев В.В.* Императорский Санкт-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб., 1870. 679 с.
- Жуковская Т.Н., Ростовцев Е.А.* «Образование в своем отечестве»: университетская политика Николая I, идеология и прагматика // Родина. 2013. № 3. С. 93–96.
- Жуковская Т.Н., Пустовойт И.С.* Организация университетского пространства и быта его обитателей: деятельность С.С. Уварова в отношении Санкт-Петербургского университета и его предшественников в 1811–1821 годах // Тр. Кольск. науч. центра РАН. Гуманитарная серия. 2020. Т. 11, № 3 (17). С. 109–126.
- Жуковская Т.Н., Пустовойт И.С.* С.С. Уваров и его проекты 1811–1821 годов (к 200-летию преобразования Главного Педагогического института в Санкт-Петербургский университет) // Тр. Кольск. науч. центра РАН. Гуманитарные исследования. 2019. Т. 10, № 7 (17). С. 113–129.
- Зверева Н.А.* Общественно-политические взгляды С.С. Уварова: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Волгоград. гос. ун-т. Волгоград, 2005. 34 с.
- Калинина Е.А.* Система народного просвещения на Европейском Севере России в первой половине XIX века. М.: Новый хронограф, 2017. 736 с.
- Калинина Е.А.* Школы Олонецкой губернии первой половины XIX в.: исторические очерки и документы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. 502 с.
- Марголис Ю.Д., Тишкин Г.А.* «Единым вдохновением»: очерки по истории университетского образования в Петербурге в конце XVIII – первой половины XIX в. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. 227 с.
- Миллюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. Ч. 2. Церковь и школа (вера, творчество, образование). СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1897. 365 с.
- Пустовойт И.С.* Представления С.С. Уварова о месте классической древности в университетском образовании: проекты 1810-х гг. и их реализация // Могущество памяти: всемирная история и ее исследователи: сб. стат. и сообщ. междунар. науч.-образоват. конф. Казань, 2022. С. 340–346.
- Сухомлинов М.И.* Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1889. Т. 1. 671 с.
- Шевченко М.М.* Конец одного величия. М.: Три квадрата, 2003. 256 с.

Шевченко М.М. С.С. Уваров. Политический портрет // Тетради по консерватизму. 2018. № 1. С. 27–50.

Шмид Е.К. История средних учебных заведений в России. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1878. 683 с.
Flynn J.T. S.S. Uvarov's "Liberal" Years /// Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Neue Folge. 1972. Bd. 20, H. 4. P. 481–491.

Дата поступления рукописи в редакцию 13.11.2022

TRANSFORMATIONS AT THE ST. PETERSBURG GYMNASIUM BY SERGEY UVAROV AS A SUCCESSFUL EXPERIENCE OF SCHOOL REFORM

I. S. Pustovoit

St. Petersburg State University, Universitetskaya emb., 7-9, 199034, St. Petersburg, Russia

botanpustovoit@gmail.com

SPIN: 1159-0602

At the beginning of 1811, the young and yet unknown Sergey S. Uvarov was appointed to the prestigious position of curator of the St. Petersburg Educational District. In this role, Uvarov established himself as a successful reformer and supporter of the European education system. However, the full scope of his activities as a curator from 1811 to 1821 has been largely underestimated, which has had a significant impact on historiographical understanding of Uvarov's political and ideological trajectory as a prominent statesman during the reigns of Alexander I and Nicholas I. The article uses archival and published sources to examine one of the directions of Uvarov's reform activities – the comprehensive reorganization of the St. Petersburg provincial Gymnasium. After finding the capital's gymnasium in a difficult financial situation, with a poorly designed curriculum and lacking public appeal, Uvarov brought it into a “flourishing” state a few years later through consistent and coordinated measures. The number of students enrolled in it doubled, and it was decided that students should remain at the gymnasium until the end of the entire course. By establishing the gymnasium economic committee, streamlining financial statements, and proposing the reform of the gymnasium curriculum in 1811, Uvarov not only led the gymnasium budget to a surplus, but also set an experience that spread later. The privileges and advantages granted to the St. Petersburg Gymnasium, the completed training cycle, and the updated teaching staff increased its prestige in the eyes of the metropolitan nobility, putting it on a par with the universities of that time.

Key words: Sergey S. Uvarov, curator, education reforms, school history, St. Petersburg Gymnasium, school district.

References

- Aleshintsev, I.A. (1912), *Istoriya gimnazicheskogo obrazovaniya v Rossii (XVIII i XIX vek)* [History of gymnasium education in Russia (18th and 19th centuries)], Izd. O. Bogdanova, St. Petersburg, Russia, 346 p.
- Flynn, J.T. (1972), “S.S. Uvarov's "Liberal" Years”, *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Neue Folge*, bd. 20, h. 4, pp. 481–491.
- Grigoryev, V.V. (1870), *Imperatorskiy Sankt-Peterburgskiy universitet v techenie pervykh pyatidesyati let ego sushchestvovaniya* [Imperial St. Petersburg university during the first fifty years of its existence], Tip. V. Bezobrazova, St. Petersburg, Russia, 679 p.
- Kalinina, E.A. (2015), *Shkoly Olonetskoy gubernii pervoy poloviny XIX v.: istoricheskie ocherki i dokumenty* [Schools of the Olonets province of the first half of the 19th century: historical essays and documents], Dmitry Bulanin, St. Petersburg, Russia, 502 p.
- Kalinina, E.A. (2017), *Sistema narodnogo prosveshcheniya na Evropeyskom Severe Rossii v pervoy polovine XIX veka* [The system of public education in the European North of Russia in the first half of the 19th century], Novyy hronograf, Moscow, Russia, 736 p.
- Margolis, Yu.D. & G.A. Tishkin (2000), “*Edinym vdohnoveniem*”: *Ocherki po istorii universitetskogo obrazovaniya v Peterburge v kontse XVIII – pervoy poloviny XIX v.* [“United inspiration”: Essays on the history of university education in St. Petersburg in the late 18th – first half of the 19th century], Izd-vo SPbGU, St. Petersburg, Russia, 227 p.
- Milyukov, P.N. (1897), *Ocherki po istorii russkoy kul'tury: Chast' 2. Tserkov' i shkola (vera, tvorchestvo, obrazovanie)* [Essays on the history of Russian culture: Part 2. Church and school (faith, creativity, education)], Tip. I.N. Skorokhodova, St. Petersburg, Russia, 365 p.
- Pustovoit, I.S. (2022), “S.S. Uvarov's ideas about the place of classical antiquity in university education: projects of the 1810s and their implementation”, in Repina, L.P. & G.P. Myagkov (eds.), *Mogushchestvo pamyati: vsemirnaya istoriya i ee issledovateli: sbornik statey i soobshcheniy Mezhdunarodnoy nauchno-obrazovatel'noy*

- konferentsii* [The power of memory: world history and its researchers: a collection of articles and reports of the International Scientific and Educational Conference], Kazanskiy (Privolzhskiy federal'nyy universitet), Kazan', Russia, pp. 340–346.
- Shevchenko, M.M. (2003), *Konets odnogo velichiya* [The end of one greatness], Tri kvadrata, Moscow, Russia, 256 p.
- Shmid, E.K. (1878), *Istoriya srednih uchebnykh zavedeniy v Rossii* [History of secondary educational institutions in Russia], Izdatelstvo V.S. Balasheva, St. Petersburg, Russia, 683 p.
- Suhomlinov, M.I. (1889), *Issledovaniya i stat'i po russkoy literature i prosveshcheniyu* [Research and articles on Russian literature and enlightenment], vol. 1, A.S. Suvorin, St. Petersburg, Russia, 671 p.
- Shevchenko, M.M. (2018), “S. S. Uvarov. Political portrait”, *Notebooks on conservatism*, № 1, pp. 27–50.
- Vitteker, Ts.H. (1999), *Graf Sergey Semenovich Uvarov i ego vremena* [Count Sergey Semyonovich Uvarov and his time], Akademicheskij Prospekt, St. Petersburg, Russia, 350 p.
- Zhukovskaya, T.N. & I.S. Pustovoi (2020), “The organization of the university space and the life of its inhabitants: the activities of S. S. Uvarov in relation to St.-Petersburg University and its predecessors in 1811–1821”, *Tr. Kol'sk. nauch. tsentra RAN. Gumanitarnye issledovaniya*, vol. 11, № 3 (17), pp. 109–126.
- Zhukovskaya, T.N. & E.A. Rostovtsev (2013), ““Education in the fatherland”: university policy of Nicholas I, ideology and pragmatics”, *Rodina*, № 3, pp. 93–96.
- Zhukovskaya, T.N. & I.S. Pustovoi (2019), “S. S. Uvarov and his projects of 1811–1821 (on the 200th anniversary of the transformation of the Main Pedagogical Institute into St.-Petersburg University)”, *Tr. Kol'sk. nauch. tsentra RAN. Gumanitarnye issledovaniya*, vol. 10, № 7 (17), pp. 113–129.
- Zvereva, N.A. (2005), *Obshchestvenno-politicheskie vzglyady S. S. Uvarova* [Socio-political views of S. S. Uvarov], Abstract of PhD Thesis, Volgograd State University, Volgograd, Russia, 34 p.